

ЖИЗНЬ

начинается

1956

Юноше,
обдумывающему
жизнь,
решающему —
сделать бы жизнь с кою,
скажу
не задумываясь:
Делай ее
с товарища
Дзержинского.

В. В. МАЯКОВСКИЙ

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ

СБОРНИК СТИХОВ,
РАССКАЗОВ И ОЧЕРКОВ,
НАПИСАННЫХ ПОДРОСТКАМИ-
ВОСПИТАННИКАМИ ТРУДОВЫХ
КОЛОНИЙ УНКВД ЛО

ОТДЕЛ ТРУДКОЛОНИЙ УНКВД ЛО
Ленинградское областное издательство ■ 1936

ПРЕДИСЛОВИЕ

В великие исторические дни, когда Чрезвычайный VIII Съезд Советов СССР, выполняя волю многомиллионного народа, обсудил и утвердил сталинскую Конституцию, отдел трудовых колоний УНКВД ЛО по желанию массы воспитанников решил выпустить этот небольшой сборник.

Этот сборник из произведений бывших правонарушителей и беспризорных, находящихся на перековке в трудовых колониях, как и все дело перековки, есть один из многочисленных плодов Великой Октябрьской революции, победоносного существования СССР.

Нигде в мире, даже в самых демократических буржуазных странах, невозможно действительное перевоспитание бывших преступников, бродяг и воров в полезных граждан общества. Только в Советском Союзе возможно настоящее перевоспитание право-

нарушителей в прошлом, возврат их в общество полезными работниками.

Капитализм душит и калечит людей. Социальные условия, порожденные капитализмом — голод, нищета, хроническая безработица, ставшие уделом огромной части трудящихся, порождают бродяжничество и преступность. Порождая преступность, капиталистическая система неспособна бороться с ней, бессильна ее ликвидировать. Псевдонаучные теории буржуазных идеологов о том, что преступность есть наследственное явление, служат лишь прикрытием эксплуататорской природы капитализма. Чтобы уничтожить воровство и бродяжничество и связанную с ними преступность, надо уничтожить капитализм, т. е. условия, которые неизбежно порождают преступность.

То, что невозможно в условиях капитализма, стало возможным в Советском Союзе. Уничтожив эксплуататорские классы, ликвидировав корни эксплуатации человека человеком, Советское государство тем самым уничтожило социальные условия, которые порождали преступность.

У нас в СССР нет и не может быть безработицы. Каждый трудящийся пользуется правом на труд. Сталинская Конституция, принятая VIII Чрезвычайным Съездом Со-

ветов, гарантирует это право каждому. Это значит, что у нас уничтожена коренная причина к возникновению воровства и бродяжничества. Это создает предпосылки к полному уничтожению преступности.

Не наказывать, а исправлять. Вредного для общества человека-вора и беспризорника перевоспитать в полезного и честного гражданина — таков главный принцип судебной политики нашего государства.

Для всего советского народа является известным, что борьба с воровством и беспризорностью есть борьба с остатками капитализма в экономике и сознании людей. Перевоспитать вора, беспризорника в полезного труженика — значит научить трудиться. Научить не пренебрегать трудом, а уважать труд, видеть в нем основу прочности и незыблемости социалистического строя — такова задача.

Общественно полезный труд, — основа перевоспитания — это та сила, которая в умелых руках чекистов возвратила в общество тысячи и десятки тысяч людей, переделав их воровскую, бродяжническую психологию в психологию труженика. Именно в этом крупнейшее общественно-политическое значение массовой перековки преступников на Беломорско-Балтийском канале. В этом зна-

чение Болшевской коммуны. Внедряя этот принцип, заботливо организуя культурно-политическую работу и учебу, успешно решают свою задачу трудовые колонии УНКВД для несовершеннолетних правонарушителей и беспризорных.

Сочетая труд с заботливым развитием художественного творчества детей, поощряя тягу к знаниям, мы тем самым приобщаем их к пролетарской культуре, воспитываем в них глубокое уважение к социалистическому строю, к его основам — социалистической собственности и обязанности каждого гражданина трудиться. Одним из показателей тяги к культуре, к знаниям служит настоящий сборник, созданный руками воспитанников трудовых колоний. Сборник ярко демонстрирует, как дети в возрасте 12—16 лет, находящиеся на перевоспитании, сильно тянутся к культуре и сами хотят творить.

Достоинство этой книги состоит в том, что члены колоний в художественной форме откликаются на актуальные политические события; сборник показывает, как они ценят заботы партии и советской власти о детях. Не будучи высокохудожественными, эти произведения захватывают своей простотой и искренностью. Работа с начинающими поэ-

тами и литераторами заслуживает большого и пристального внимания Союза советских писателей, так как из некоторых воспитанников могут со временем быть и зрелые писатели. Художественно-самодеятельная работа колоний, работа с начинающими литераторами служит большим средством перевоспитания.

Опыт работы показал, что работа воспитанников в художественных творческих кружках для многих воспитанников служит тем звеном, которое прочно связывает их с интересами колоний и подготавливает зрелых и полезных граждан СССР. Тем заботливее мы должны развивать творческую инициативу детей и направлять ее по правильному советскому пути.

Наш сборник и издан в интересах укрепления художественной самодеятельности и литературной работы колоний и всего дела перековки.

Г. ЛУГВИН

Начальник учебно-воспитательного отделения Отдела трудовых колоний УНКВД ЛО

СТИХИ

СТАЛИН

Идет... Идет... Волненье движет зал,
Аплодисменты потрясают своды,
Гремит „Интернационал“:
Он вышел — вождь и друг народов.

Спокойное лицо, черны усы,
В движеньях тверд, подобен стали,
Веселый, скромный, точный, как
часы,
В простой одежде. Вот он —
Сталин,

Наш капитан родного корабля.
Он создает великие законы,
Его дыханьем дышат миллионы,
Его движеньем движется земля.

Он скромно ждет конца оваций.
Восторг неизмерим и бесконечен,
Восторг народов, ликованье наций.
Он просит тишины и начинает речь.

Его слова уносит микрофон;
Речь гения направлена в эфир,
Раскалывая потрясенный мир,
И в каждом слове право и закон.

Он кончил. Вновь гремят
рукоплесканья,
И радость льется бурным водопадом.
На сцене за столом товарищ
Сталин,
С ним Молотов и Ворошилов рядом.

А я, мальчишка, бывший беспризорник,
Которого растит и бережет Чека,
Пою и радуюсь, работая упорно,
У своего токарного станка.

ИВАН ГРАСИН

МЫ ПОЕМ

Прошлого тени сожжены,
В счастливую жизнь мы идем,
Лаской, теплом окружены —
Мы поем.

Припев:

Юность задором блеснула,
Трудиться и жить мы хотим,
Коммуна нас к жизни вернула,
Мы жизнь за нее отдадим.

Навстречу сердечной заботе
Стахановской сменой встаем,
Растем в огневой здесь работе —
Мы поем.

Юность задором блеснула,
Трудиться и жить мы хотим,
Коммуна нас к жизни вернула,
Мы жизнь за нее отдадим.

Звени наша песня победой,
Заново жизнь мы куем,
Смеемся над прошлого бредом —
Мы поем.

Припев:

Юность задором блеснула,
Трудиться и жить мы хотим,
Коммуна нас к жизни вернула,
Мы жизнь за нее отдадим.

Как утро весеннее чисто,
В сердце своем понесем
Большое спасибо чекистам —
Мы поем.

Припев:

Юность задором блеснула,
Трудиться и жить мы хотим,

Коммуна нас к жизни вернула,
Мы жизнь за нее отдадим.

Сталину — другу народа,
Партии слово даем:
Вашей пойдем лишь дорогой —
Мы поем.

Припев:

Юность задором блеснула,
Трудиться и жить мы хотим,
Коммуна нас к жизни вернула,
Мы жизнь за нее отдадим.

И. АЛЕКСЕЕВ. К. СМЕРНОВ

Дмитрий Соколов

ПАМЯТИ ФЕЛИКСА

Эпоха

Реальнейших планов и дум,

Эпоха

Невиданных строек!

Твоими дорогами смело идут

Твои молодые герои.

В первой шеренге бойцов

По ребрам опасных лестниц,

На кручах высоких, в песках среди лесов

Пронесят и бодрость и песни...

Мы тоже с коммуной вперед идем,

Берем большевистским напором...

Мы труд полюбили и честно живем,

Мы строим коммуно-город...

Невиданный город в деревьях зеленых.
Там здания встанут на тысячи комнат
С Домом Культуры и большим стадионом.
Пусть все поколение о Феликсе помнит.

Пусть надпись пылает на городе том:
„Спасибо заботе чекистской“.
А город прекрасный, родной назовем
В память наркома — Дзержинском.

ДМИТРИЙ СОКОЛОВ

П А С П О Р Т

Сегодня солнце светит ярко,
И свежестью повеяла трава,
Звучат взволнованно и жарко
Друзей слова.

Все ласковы со мною, все любезны.
Рукопожатьями горда рука.
Я вышел в жизнь — благодарю
железных

Бойцов Чека!

На будущее не гляжу с опаской,
Товарищи со мной — я не один.
Я получил советский паспорт!
Я — гражданин!!!

ВАСИЛИИ ИЛЬИН

ДОЛОРЕС ИБАРРУРИ

Тебе — бойцу и журналистке,
Герою боевых побед,
Вождю, солдату, коммунистке —
От сердца пламенный привет.

Сквозь дым войны и грохот времени,
Сквозь смерть бойцов и жи завесу
Ты сеешь ненависти семя
К врагам народа, Долорес.

От Барселоны до Мадрида,
Сквозь мирный труд и цепь фронтов,
Кидаешь клич волной призыва:
„В бой, пролетарий, будь готов!“

Народ на битву поднимаешь,
И гневные слова гремят.
Разишь врагов, всегда простая,
Ты — революции солдат.

Дочь горняка с мятежной кровью,
В глазах огонь борьбы горит.
Имя твое от моря к морю
Через Испанию гремит.

И. АЛЕКСЕЕВ, К. СМИРНОВ

Иван Грасин

ПУШКИН

Веселый юный лицеист —
Любимец своенравной музыки —
Он вышел в жизнь, но день был мглист,
Попал в пустого света узы.

Как волны в бурю волны хлещут,
Так мчит свободы грозный вал.
Уже злодею в очи блещут
Твоя „Деревня“ и „Кинжал“.

И царь тебя сгноить готов:
Дорогой грязною, избитой,
Ты должен мчаться в Кишинев
В почтовой нищенской кибитке,

Под небо южной стороны,
Где ураганов перебранки,

Где черноглазые цыганки
И свет расплавленной луны.

Где мысль твою манит, как сон,
Несбыточная воля века,
Но снова ледяной закон,
И снова подлость человека.

Гоним, но молод и удал,
Ты поселен в краю проклятом,
„Где чорт родиться догадал
Тебе с душою и талантом“.

Попал в Михайловское ты,
С тобою снова сказки няни,
Озера, рощи и кусты
Да солнце иногда заглянет.

Но ты и здесь непримирим —
Прочь из России рабской к свету.
Но царь встает перед поэтом
И пять друзей, казненных им.

Свободы не видать зарю.
Зимой холодной, ночью черной
Привезен егерем к царю
Мятежный, гордый, непокорный.

И долго царь тебя хвалил,
Твоей судьбой надменно правил,
Пока под дуло не поставил
В расцвете творчества и сил.

И умер ты. Зловещей ночью,
В рогоже, тройкой на конях,
Тайком, чрез рвы, канавы, кочки
Услали из столицы прах.

И вьюга не была помехой,
Полночный ветер завывал.
Подлец во Францию уехал,
Подлец Россию умирлял.

Прошло сто лет. Твой голос вечный
Как эхо снова зазвучал,
И под звездой пятиконечной
Тунгус, калмык и камчадал

Читают дивные творенья,
В которых гений твой живет.
В тебе черпает вдохновенье
Освободившийся народ.

ИВАН ГРАСИН

МАКСИМУ ГОРЬКОМУ

Часто глядя на портрет твой,
Полный ясной глубины,
Радость нахожу для сердца,
Крепнут силы для борьбы.

Годы прожил я, бездомный,
Годы прожил в нищете.
Был голодный, беспризорный,
Видел радость лишь во сне.

Но теперь решил учиться,
Стройке нашей помогать,
И прошу тебя, учитель,
Нас, ребят, не забывать.

БОРИС НЕКРАСОВ

Б Р И Г А Д И Р

Заводским гудком начинается утро.
Шагаем по солнечной проходной,
В запасе размеренные минуты.
Ребята, нас цех принимает родной.

Широкое утро приносит прохладу,
И солнце приветствует издалика,
К восьми собирается наша бригада
К сверкающей стали большого
станка.

В глазах заискрилась глубокая свежесть,
Какая заносится лишь по утрам.
И ширится в сердце большая нежность
К труду и коммуны делам.

ДМИТРИЙ СОКОЛОВ

ДЕТИ КОММУНЫ

Друзья мои — приятели по воле,
Судьба нас не заставит воровать,
Мы прежде воровали поневоле,
И прошлое мы будем проклинать.

Познали с детства горестную муку,
О, как забудем страшные года!
Мы испытали с близкими разлуку
И потеряли многих навсегда.

Но странно все придумано на свете:
Я вор, и я не знал, куда идти.
Мы все заброшенные дети
Шли по тернистому пути.

Но понял я, что ошибался,
Что можно человеком стать,
И тут от счастья засмеялся,
Когда признал в коммуне мать.

В. ИВАНОВ

У М О Р Я

Я вижу, как в берег стучится волна,
Как в море осеннем гуляет она,
Как черные тучи на небе сошлись,
Как волны одна за другой понеслись.

Качает, бросает рыбацкий челнок,
Хлещет в борта и кидает навзлет,
Рвет паруса и несет на восток,
С бешеной силой кидает вперед.

Недолго гуляла, сердилась волна —
И скоро устало замолкла она:
Стучать надоело ей в берег крутой,
И солнце взошло над жемчужной водой.

ПАВЕЛ ПРОКОФЬЕВ

* * *

Вот утро рано наступает,
Роса сверкает на траве,
И солнце важно выплывает
В далекой неба синеве.

Лишь ветерок с листвой играет,
Лениво трогает камыш,
Деревья песни напевают,
Везде предутренняя тишь.

Вот ветерок утих немного,
Но гул раздался за углом —
Река бежит через пороги,
Она несется напролом.

АЛЕКСЕИ НИКИФОРОВ

САМОЛЕТ

Плавно летит в вышине самолет —
Ураганы ему не страшны,
И ничто не нарушит свободный полет
Самолета Советской страны.

Гул мотора над нами раздался,
Тени крыльев широких прошли.
С неба точкой сначала казался,
И пропал — растворился вдали.

Что это за птица парит над землею,
Что это за рыба плывет над водою,
Купаясь в эфире, кружась в вышине,
Видна необъятной стране?

Плавно по небу летит самолет,
Ураганы ему не страшны,
И ничто не нарушит свободный полет
Самолета Советской страны.

ВИКТОР МИХАИЛОВ

И. Демидов

ТЕПЛОЕ СЛОВО

В светлом просторе цехов —
Звяканье крупных деталей,
Пенье токарных станков
И грохотание стали.

Скоро мне смена придет,
Песней труду помогаю,
Крепко кувалда бьет,
Гром над станками летает.

Каждым ударом ее
К прошлому мост разбиваю.
Сердце кую свое,
Чувство и мысли меняю.

Брызнуло пламенем в цех,
Залило светом лица
Солнце! Мне радостней' всех —
Есть отчего веселиться:

Выполнил норму вдвойне,
Кровь в моем теле играет.
Мастер подходит ко мне,
Руку мою пожимает.

Он мне с улыбкой сказал:
„Крепко, товарищ, жаришь!“
Тут я впервые познал
Теплое слово „товарищ“.

И. ДЕМИДОВ

ОТВЕТ ГРАЖДАНИНА

1

Меди туш. Гремит рукоплесканье.
От друзей-чекистов
Мне привет.
Слушайте мое повествованье,
Мой гражданский боевой ответ.

Мой путь пролег
От стройки Беломорья,
Динамит в ушах
Еще гудел,
Я шел тропою,
Песней ветру вторя,
И в даль прекрасную,
Счастливую глядел.

Лесные мачты
Небо рассекали,
И рвался дым
Из черных мощных труб.
Вокруг
Огни строительства сверкали,
И это все
Носило имя — труд.

2

Закружился,
Как в водовороте,
В музыкальном пении труда.
Мчались дни
В стахановском полете
В те победоносные года.

Отживает слово „беспризорный“,
И сознание
Крепнет с каждым днем.
Прошое я сжег
В труде упорном,
И гражданство
Выковал я в нем.

Сталинскую новь
Пусть славят строки,
Я прославлю
Вольный труд людей,
А потом
Пойду решать уроки
Радостной профессии моей.

До-свиданья, цеховой конвейер,
Гул мотора
Сменят чертежи.
Я приду в коммуну инженером
Поднимать построек этажи.

НИКОЛАЙ МОРЩИКОВ

БЮЛЛЕТЕНЬ

Ночь. Коммуна скована сном.
За окнами черная тень.
А мы с Димой сидим вдвоем,
Обрабатываем бюллетень.

Ветер стучится в стекло,
Плачет, кричит: „пусти“,
Сонным инеем заволокло.
Дима шепчет мне: „не усни“.

И на белом листе кавалерией
Слов отряд в атаку идет.
„Товарищи! лишь на доверии
Наша коммуна растет“.

Поскакали буквы крупнее,
На заголовке Ленина тень,
И повис, словно знамя алая,
Новый наш бюллетень.

НИКОЛАЙ МОРЩИКОВ

РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Рано утром в семь часов
Раздается трубный зов:
Тра-та-та, тра-ра-ра,
Эй, вставайте, детвора!

Попроворней поднимайтесь,
Умывайтесь, собирайтесь,
В мастерскую всем пора —
День твой начат, детвора!

Проучились нужный срок,
Точно выполнив урок,
И веселые, как пчелы,
Мы уносимся из школы.

Вот свободный наш досуг,
Ну, в снежки — пошире круг!
Смех, веселье, все кричат,
И снежки, как пух, летят.

С. КАЛИНКИН

ЗИМА

Прошел январь. Блестят морозы.
Река застыла подо льдом,
Деревья инеем одеты,
И снег насыпало бугром.

И север тучи нагоняет,
Комками снег слетает с них,
Лошадка саночки катает,
В буграх ныряя снеговых.

Вся детвора бежит с коньками
По замороженной реке,
Звенит ледок под шалунами,
Смех раздается вдалеке.

Так детворы прошел денечек,
Бегут ребята по домам,
И дома светлый огонечек
Дорогу освещает нам.

Н. ВОРОБЬЕВ

СОБАЧКА

У меня была собачка
Маленького роста.
Глазки серенькие были,
Толстеньякая, как бочка.

Хвост пушистый у нее,
Длинненькие лапки,
Нос как будто пяточок,
Звал собачку я — Дружок.

П. ПРОКОФЬЕВ

СНЕЖНАЯ ГОРКА

Рано утром все мы встали
И на улицу бегом,
Захватив с собою санки,
Будем строить снежный дом.

Вот увидели мы горку,
Весело так стало мне,
И поехали мы с горки
С криком, с шумом на бревне.

П. ПРОКОФЬЕВ

ПРИМЕРНЫЙ МАСТЕР

У нас в столярной мастерской
Есть мастер молодой.
Прекрасный он у нас работник:
Он механик, он и плотник.

СТЕПАН КАЛИНКИН

С ГОРЫ НА САНКАХ

— Разреши покататься с горы, хоть часок,
Ведь на-завтра у нас выходной, —
Так просил свою мать восьмилетний Ванек
В темной хате на печке жаркой.

Получив разрешение у матери, он
С жаркой печки тотчас соскочил,
Полушубок овчинный надел на себя
И салазки к друзьям потащил.

Вот с горы он стремится крутой,
По барьерам и выемкам частым.
Миг — и санки летят под горой,
По веселому крепкому насту.

Накатавшись досыта, зная,
Поздно-поздно домой возвращается.
Начал быстро задачу решать.
У него, как всегда, получается.

БОРИС НЕКРАСОВ

РАССКАЗЫ
И ОЧЕРКИ

ЗАДАЧА

Очерк

Грузный, жесткий кулак мелькнул в воздухе и ударил Пашку в лицо. Брызнула кровь. Взмахнув маленькими руками, Пашка упал в снег на вытащенный бумажник.

— Бе-ей! — пронеслось по базару.

— Бейте чертеныша!

— Много их развелось!

— Житья нет из-за них, все крадут...

— Бе-ей!

Выскочили из-за прилавков, краснощекие ларешники подбежали к упавшему, стали бить распластанное тело. Били по голове, по бокам, по рукам, хватавшим затоптанный окровавленный снег.

И убили бы Пашку тогда совсем, если бы не отнял его от озверевшей толпы человек в кожанке. Он сказал только:

— В нашей стране никто не имеет права бить человека!

И толпа стихла. Толпа расступилась, толпа пропустила уводимого им, избитого, окровавленного Пашку. Лишь когда отошли они, заворчали, зашипели ларешники:

— Сволочь Чека! Всюду суется! Тукнуть бы его... т-ссс!..

На всю жизнь запомнил Пашка этот самосуд, и еще больше стало в нем злобы к сытым и хорошо одетым людям. Воровать он научился рассчитанно, обдуманно, хладнокровно. Ничего кроме ненависти и презрения к обворованным Пашка не чувствовал. Мир для него разделился на-двое: по одну сторону стоял он, Пашка, с товарищами, по другую — все остальные, кого можно было нагреть и опустошить. Ненависть к ним росла. Стены исправдома, в которые Пашка попадал не раз, не заглушили ее.

Сидя в душной камере, сквозь решет-

чатое окно смотрел он на голубое небо, где летали далекие голуби. Пашка завидовал им и тосковал.

В жаркие летние дни, когда в камере становилось особенно душно и было томительно сидеть на почерневших нарах. Пашка, заложив за спину руки, ходил из угла в угол, напевая любимую песню:

„Не вором я на свет уродился,
Не вором родила меня мать.
Сиротою на свете остался,
У богатых пошел воровать“.

Но надоедали песни и карты. Хотелось на волю, которая была рядом, за кирпичной стеной. Десятки раз клялся себе Пашка, что бросит воровать и больше не вернется в тюрьму.

Так пролетели бесцельно восемь лет.

В 1932 году, когда судимостей было уже шесть, освободившись из тюрьмы, решил Пашка „завязать“ и идти в Болшевскую коммуну. Перед коммуной захотелось сделать „последнюю краженку“.

Но погорел на деле. И опять прощай воля на три года. Отправили в Свирский лагерь. Не хотел он работать и там. Сидел в бараке, пел песни, играл в карты и неведомо откуда доставал водку. А кругом были такие же, как он. Работу они презирали. Считали последним того вора, который за нее примется. Глупым и тяжелым бременем казался им труд. „От работы лошади дохнут“ — отвечали они, когда их звали на работу.

И весь срок отсидел бы так может быть Пашка, если бы однажды не вошел в барак широкоплечий в шинели человек и, сев около печки, у которой играло жулье в карты, прямо и просто сказал:

— Я, ребята, за вами приехал. В коммуну хотите?

— Прекратилась игра, теснее собрались вокруг пришедшего.

— Я сам когда-то был таким, может слышали? Я — Комиссаров.

И рассказал Иван Яковлевич о своей прошлой беспросветной жизни в преступном мире, и о новой жизни, которую дала ему

коммуна, и что зовет он их строить такую же под Ленинградом.

Долго говорил в ту ночь Комиссаров о новой, неизведанной ими человеческой жизни в коммуне, где все одинаково работают. Много расспрашивали его о коммуне, и многим захотелось жить в ней. Но немногие записывались в нее, чтобы работать и строить.

Через несколько дней опять приехал в лагерь Комиссаров и взял с собою в Ленинградскую трудовую коммуну самых отчаянных, испорченных, не хотевших работать. В их числе был и Пашка. Думал он: поживу недельку, отдохну, а там подамся на волю, все легче уйти, чем из лагеря.

Понравилась коммуна после суровых условий Свирского лагеря. Первое время как-то не верилось, что кругом свободно, ходи куда хочешь. И эту свободу, которая так дорога каждому, кто был за решеткой, начал ценить Пашка. Но мысль об уходе Пашку не покидала. Работать еще не хотелось, тяга к прошлой, праздной и пьяной жизни была еще слишком сильна. Суровые

законы коммуны — Работать! Не воровать! Не пить! — Пашке не нравились.

Но любовь к человеку, идущая от руководителей воспитательной части, их чуткость, отзывчивость и предупредительность дошли и до Пашки. Как-то незаметно он и сам почувствовал в себе человека и начал ценить и беречь его. Он понял, что товарищи по прошлой жизни желают ему лишь хорошего. Он сдался на их уговоры и принял на себя нагрузку руководителя производственной комиссии коммуны.

Пришлось теперь Пашке показать, как надо работать. Показывая, он увлекся и работу полюбил. Он полюбил электростанцию, где был монтером; он клеймил позором и ругал в своих газетных заметках тех, кто „придурился“ и не работал.

А когда становилось тяжело или дело не ладилось, шел он к Ивану Яковлевичу и подолгу сидел у него в комнате. Слушал, как тот учил и советовал жить и работать. Всегда уходил Паша от него с большими надеждами, уверенный в своих будущих победах, и еще с большей энергией прини-

мался за дело, и еще больше хотелось ему приносить пользу коммуне.

И все-таки это не удовлетворяло его. Хотелось чего-то большого, необыкновенного, сильного. Когда он сказал об этом Комиссарову, тот засмеялся:

— Э! Да ты, не тренируясь, хочешь первый приз сразу взять! Голым кулаком хочешь гвозди заколачивать! Знаний у тебя нехватает. Учиться надо тебе.

Знаний у Пашки, действительно, было мало. Да и с грамотой он был не в ладах.

— На-ка, — сказал Иван Яковлевич, — реши мне задачку о поездах. Представь себе, что первый поезд — инженер, а этот, только что выскочивший на всех парах, — ты; догонишь ли ты инженера, где и когда догонишь? Реши...

Иван Яковлевич снабдил Пашу учебниками арифметики и физики. Посоветовал ему брать книги из библиотеки. С этих пор бессонные ночи стали Паше совсем не в диковину.

Паша начал учиться.

С каждым днем все больше и больше

захватывали его книжки, через которые он начинал понимать настоящую жизнь. А за учебой, как смотрит садовник на вновь выращенную им яблоню, следил внимательно Комиссаров.

Пашины успехи, усидчивость и старательность привели к неожиданным результатам. Воспитательная часть направила его в город на курсы мастеров, куда надо было ездить каждый день. Паша был первым, кому коммуна оказала такое доверие.

Получив увольнительную записку, приехал он в город. Свобода раскрывалась перед ним. Никто за ним не следил, можно было уйти и не вернуться. Но Паша даже не подумал об этом. Старую, прошлую, блатную жизнь вспомнил он только тогда, когда проходил через новый сад. Здесь, на этом самом месте, может быть на той самой дорожке, по которой он шел, свалил когда-то с ног маленького Пашку тяжелый кулак; отсюда, может быть с этой самой дорожки и увел его тогда от разъяренной толпы чекист. Но ни базара, ни ларешников, ни торговок теперь здесь не было — в саду

играли дети. Вспоминал Паша о прошлом, однако, не долго, — на курсах пришлось сосредоточиться и думать о цифрах и формулах.

Домой Паша вернулся поздним вечером, когда после трудового дня коммуна уже спала. Но лег он не сразу — надо было приготовить уроки. Так и потянулись зимние дни: утром Паша шел на завод; после работы уезжал в город; приезжая, готовил уроки; утром опять выходил на работу.

В 1935 году, окончив успешно курсы мастеров, он поступил учиться в Ленинградский индустриально - машиностроительный институт. Поступил в середине года, когда в институте уже несколько месяцев шли занятия. Надо было сдать экзамен за пройденное.

Через месяц, после упорной, кропотливой подготовки к экзамену, Паша подошел к кабинету профессора. Около дверей жались, поминутно заглядывая в тетради и повторяя формулы, его однокурсники. Паша был спокоен. Однако, войдя в большой светлый кабинет, где за широким столом сидел

седой, в роговых очках профессор, и он почувствовал себя не совсем ловко. Профессор открыл анкету. Бегло пробежав по графам глазами, профессор прочел вслух:

— „Вор-рецидивист, семь судимостей“... Это вы?

Этот прямой вопрос вернул Паше самообладание.

— Да, как видите, — ответил он.

Профессор опасливо посмотрел на Пашу и пожевал сухими губами.

— Так, — после некоторой заминки продолжал он. — Прошное у вас богатое; посмотрим, каково настоящее. Ну, хотя бы в прогрессии. Выведите мне, пожалуйста.

Паша быстро написал на доске требуемый вывод. Профессор опять пожевал губами:

— Так! — На лице его, однако, Паша не прочел ни одобрения, ни порицания. — А как с уравнениями у вас? Пожалуйста, сделайте мне.

Паша справился и с уравнениями. Профессор взглянул на него внимательнее; стало

заметно, что новым студентом он заинтересовался.

— Так! Решите-ка еще эту задачку. — Он протянул Паше исчерченный цифрами листок.

Задача была куда сложнее, но решать ее Паша принялся уверенно и быстро. Пока он решал, профессор, просматривая в анкете Пашину биографию и иногда вынимая платок, зачем-то сморкался, хотя насморка у него никогда не было.

— Кончили? Та-ак!.. Хорошо. Вы, значит, из Лентрудкоммуны?

— Да.

— Учиться решили?

— Да. Надо наверстать растерянные годы. Да и коммуне свои инженеры нужны.

— Учитесь. Кругом хорошо. Я вам отметку отличную поставлю. Никому еще не ставил сегодня.

Паша, неловко сутулясь, поклонился и хотел было уже уходить, но профессор задержал его.

— А знаете что, Чернов? Я никогда не думал, что воры такие бывают... Вот встре-

тил бы вас на улице — никогда б не подумал... Это, во-первых, а во-вторых — такие способности! За два года в институт успели попасть! Это, это... Знаете что, — расскажите мне о коммуне.

Не хотелось рассказывать Паше, не для этого не спал он ночей; хотел он, чтобы профессор погонял как следует у доски, а тут вот рассказывай. Коротко рассказал он об организации коммуны, о самоуправлении, о конфликтной комиссии, о выстроенном стадионе, о клубе, о новых автокачках, о подростках, в коммуне живущих. Слушая Пашу, профессор снял очки, протер их платком и, заодно, украдкой вытер зачем-то глаза.

— Видел я ваших кружковцев в Доме ученых, — сказал он замолкшему Паше: — выступали они у нас... Удивительно, удивительно. Поговорим еще как-нибудь, а теперь идите. Всего хорошего.

У дверей Паша остановился и сказал:

— Профессор! Если вы интересуетесь коммуной, приезжайте на вторую годовщину, у нас праздник большой. Я выпуск получаю,

и паспорт будет свой, настоящий, не липовый, понимаете? — Сказав это, Паша вышел.

Профессор покачал головой, опять вытер глаза платком и продолжал экзамен.

В коммуны в тот вечер Паша приехал радостный и веселый. Он сдал испытание по самому трудному предмету.

На другой день в клубе был вечер выпускников. Вместе с другими товарищами-выпускниками вышел на сцену и Паша. Вышел он для того, чтобы сказать всей коммуне слова горячей благодарности, сказать большое спасибо партии, чекистам и Сталину, которые дали право на жизнь; сказать громко, так, чтобы слышали все: „Если нам предоставят право защищать нашу родину, мы ее защитим! Если нам в бою оторвут ноги, мы будем ползать, но поражать врага. Если выбьют винтовку, мы зубами перегрызём горло врагу! Мы покажем, как мы умеем платить за данное нам право жить“.

Василий Ильин

ВАСЬКА БЫСТРЫЙ

Рассказ

1

У Васьки нет сапог, и он сидит дома. В подвальной комнатке холодно и темно; в Васькином животе холодно и пусто. Васька зарывается в постель, стараясь заснуть, — время тогда проходит незаметно, и во сне иногда Васька видит отца. Отца он почти не помнит, отец умер давно, живет Васька с матерью. Мать больная, чахоточная, с утра уходит на работу, возвращается почти ночью. Без мужа ей тяжело, сыну без отца плохо и голодно. Васька сопит, ворочается. До прихода матери еще шесть часов, а есть хочется. Но есть нечего, и он засы-

пает голодным. Во сне Васька видит булки с маслом, жирные, дымящиеся щи... Хочет все это съесть, но руки не двигаются, щи исчезают, и Васька просыпается. И так без конца, до прихода матери тревожный тяжелый сон.

Сегодня пробуждение было необычным: он почувствовал грубый толчок, открыл глаза и увидел мать. Васька не узнал ее. До этого, она усталая, кроткая, поздно приходя домой, приносила что-нибудь поесть. Молча ели, раздевались и молча ложились спать. Лишь лежа в кровати, немного отдохнув от дневной каторги, изредка ласкала она Ваську, гладила его по голове, плакала и рассказывала про отца. А сегодня она была буйной, пьяной. Волосы ее растрепаны, из глаз катились слезы, она скалила свои желтые зубы, безобразно кривила пьяный рот и ругалась. В руках она держала ломоть хлеба с селедкой и полбутылки вина. Все это она старалась впихнуть в Васькины руки. Васька не брал. Не церемонясь, мать втиснула в его рот горло бутылки.

— Пей, миленький... Пей, дурачок!

Семилетний ребенок захлебывался, плелся, отталкивая бутылку, но мать подносила вновь. Васька все же вырвался, убежал и долго боялся входить в комнату к пьяной матери. С этого дня она каждый день приходила в таком состоянии. Водки сыну предлагала, а кормить — не кормила. Чтобы как-нибудь заморить голод, Васька бегал к булочной выпрашивать куски хлеба. Потом раз хлебнул из горлышка, любопытства ради; потом другой раз, третий... И вот так оно случилось, что Васька стал шляться по кабакам и притонам. Со всеми, кто его угощал — пил, а угощали многие из интереса посмотреть, как будет хлестать вино семи-летний „алкоголик“.

— Ай какой малыш! смотри-ка, как он ловко пьет! — восклицал угощающий: — а ну-ка, цыпленок, подойди ко мне.

Васька с гордостью подходил показать свое „искусство“, пил, нюхал корочку хлеба и заносчиво говорил:

— Целый литр могу...

Но пил он не столько по привычке, сколько из честолюбия. Хотел показать себя

взрослым. На самом же деле он был еще ребенок и больше всего любил пососать „Лакме“.

На девятом году умерла мать. Ее жуткое в последние дни лицо после смерти стало еще страшнее. Желтая, с синими пятнами кожа обтянула ее скулы. Она лежала с растрепанными волосами, выпученными белками глаз и раскрытым ртом.

Два дня лежал этот труп в сырой подвальной конуре, нагоняя на Ваську дикий страх. На третий день добрые соседи догадались упрятать ее в деревянный ящик. Соседи наняли даже лошадь. Антип Савельич, старый инвалид, распорядившись похоронами, долго торговался с возчиком. С возчиком инвалид даже поругался, но Ваську приласкал.

— Э-эх, сиротина! — сказал он ему и сунул в грязные руки сахарный пряник.

— Ну, поехали! — скомандовал старый инвалид, и худая крестьянская лошаденка потащила по осенней грязи тележку с гробом. На нем сидел заплаканный, в большом женском пальто, в огромной фуражке Васька.

В руках он держал пряник, к которому изредка, стараясь экономить, прикасался чуть раскрытым ртом.

За гробом, приличия ради, следовали три женских фигуры, соседки умершей. Мелкий дождик подгонял похоронную процессию. Не пройдя и полдороги, следовавшие за гробом повернули обратно. Дождь усиливался. Возница подхлестнул задремавшую клячу. Она, дернув так, что сын чуть не слетел с гроба матери, зачистила рысью.

Так под проливным дождем и ехали до самого погоста. Только у могилки дождь перестал — смилостивился. Тучи поредели, а когда опускали в могилу гроб, даже солнце выглянуло.

Стоял Васька перед могилой матери с открытым ртом, застывшими в глазах слезами и ничего не выражающим взором.

Покончив с похоронами, дядька пошел в кабак пропить заработанную трешку.

А Васька?.. Он тоже пошел в кабак. Денег у него не было, но он решил испро-

бовать ловкость своих рук. Теперь можно, теперь он один — жрать никто не даст.

В кабаке было тесно, чадно и дымно. Высмотрев среди пьющих человека, который сидел в одиночку, Васька стал следить за ним терпеливо, как кошка у норы. Коричневый шерстяной костюм, черное, английского покроя пальто, фетровая шляпа и галстук на голубой рубашке — жертва подходящая.

Васька не ошибся. Он увидел, как „шляпа“ положил в карман кошелек полный денег. От мысли завладеть ими захватило дыхание. Сердце билось часто. Васька подсунулся вплотную и „клюнул“.

Резкое движение и... цап! Васькину руку крепкими клещами схватила рука богатого дядьки. Маленький воришка дернулся, но нет! Неудачно.

— Так что ж, попался? — говорил, улыбаясь, богатей. — Не рвись, не уйдешь!

Васька попал в беду. Но еще больше она усилилась, когда его со всех сторон окружили перепившиеся завсегдатаи кабака. Они лезли к нему с кулаками...

— А ну, дайте-ка, я придавлю этого щенка!—перся на Ваську красномордый битюжник.

— В милицию его, в милицию!— визжал счетовод из Центроспирта.— Это он украл у меня рубль семьдесят копеек, которых нехватило мне вчера расплатиться!

— Ах, шельмец, я только вчера дал ему пять копеек, а он воровать!— перебивал счетовода какой-то скряга.

— Пусть сразу выпьет литр водки!

— Правильно, посмотрим, как он запоет.

Испуганный Васька стоял ни живой, ни мертвый. Он ждал самого худшего и больше всего от этого „шляпы“, который крепко держал его за руку. Но к удивлению Васьки, „шляпа“ встал между ним и рассвирепевшей толпой.

— Чего взбеленились? Это ж ребенок... как не стыдно!

Это было неожиданно для всех. Несколько секунд стояла необычная в кабаке тишина, но потом раздались крики еще более свирепые. Они посыпались не столько на Ваську, сколько на его защитника. Но тро-

нуть строгого человека, который угрожал милицией, никто не посмел.

Отразив „бой“, человек в шляпе стал успокаивать Ваську. Накупив ему кучу кушаний, сладостей, ласково глядя по голове, он попросил Ваську рассказать ему о своей жизни. Когда Васька сказал, что у него нет ни отца, ни матери, добрый дядя прервал его:

— Ладно! Дальше можно не рассказывать. Возьму тебя к себе. Пойдешь?

Еще бы не пойти Ваське к такому человеку!

— Пойду, дяденька, все буду делать.

— Вот и молодец.

Когда Васька и его покровитель скрылись в дверях, у буфетчика невольно вырвалось:

— Есть добрые люди на свете! Он с него сделает человека.

— Сделает, обязательно сделает, — поддакивали ему.

— В этом нечего и сомневаться — сделает!

II

Моисей Юльевич сидел в палисаднике у своего дома и забавлялся с сынишкой, Юриком.

— Ах, ты, карапуз, ах ты, кара-пу-зи-ш-ко! — приговаривал он, ласково теребя его за мягкие белые волосики.

Юрик заливался радостным смехом. Верочка, сестра Юры, возилась с большой нарядной куклой, а Вовочка, старший из всех, семилетний карапуз, бегал за бабочками. Мария Сергеевна, супруга Моисея Юльевича, полная, краснолицая, истекающая потом баба, жадно глядела на своих младенцев. Семейное счастье было полное. Но ему помешало появление приемышей. Они вернулись с дневной работы. На их загорелых лицах лежал отпечаток усталости и голода. Моисей Юльевич встал и пошел побеседовать с ними, поучить уму-разуму.

— Ну, как, Коля, фарт? — задал он вопрос лучшему ученику: — или опять этот щенок засыпался? — Он указал на Ваську.

— Да, Моисей Юльевич, чуть снова не погорели. Все этот поцаненок. Да и Борька не лучше.

— Что ж, я их поучу, я их поучу. Пошли!

— Моисей Юльевич, мы устали, не жрали же целый день, — начал было Васька, знаю-

щий как будут учить, но Моисей Юльевич его перебил.

— Хлеб то ты, сволоченок, дармовой жрешь? А ну-ка, Коля, всыпь этому щенку!

И Коля всыпал.

Четырнадцатилетний Колька, начитавшись фантастических глупых романов, убежал от хорошо живущих родителей искать приключений. Ни подвигов, ни приключений он никаких не совершил, но к Моисею Юльевичу попал. Этот тип—дядя в шляпе— в далеком прошлом, так же как и Колька, отбился от рук родителей—мелких чиновников, сошелся с ворами, хорошо выучился этому делу, и до двадцати пяти лет воровал. Большое количество судимостей, возраст и еще кой-что заставили его от этого отойти. Он занялся менее опасным делом: сам стал обучать поцанят своему мастерству. Колька ему пришелся по вкусу. Чтобы извлечь из него больше пользы, Моисей Юльевич разжигал Колькину страсть к приключениям, подливал масла в огонь, предсказывая широкую будущность. И Колька принялся горячо создавать себе карьеру. В тот

злополучный день он „пробивал себе карьеру“ так, что Васькино лицо сплошь все было в крови.

— Вымойся, сволочь! Живей! — гаркнул на него Моисей Юльевич, — щенок! Я тебя выучу, я из тебя сделаю вора. Ты у меня будешь первейшим жуликом.

* * *

Начался очередной урок.

Васька стоял перед дверью, обитой кожей. В руках его была связка отмычек, из которых он то одну, то другую подмерял к замку. Четвертая была удачной. Внутренний замок тихо щелкнул, и он осторожно, чтобы не скрипнули несмазанные петли, стал приоткрывать дверь. Все шло благополучно. Секунду постояв у порога комнаты, Васька медленно, часто останавливаясь, стал пробираться в правый угол ее. В углу — спиной к двери — сидел Моисей Юльевич. Рядом с ним стояла корзина. Васька уже взялся за нее, он уже поднял корзину, но, уходя, сделал неосторожный торопливый шаг назад,

и хозяин резко повернулся. Васька не успел ни бросить корзины, ни убежать, — Моисей Юльевич схватил его за ухо.

— Так ты что ж? — проговорил он, теребя Васькино ухо, — что ж, сволоченок, не научился все? Все торопишься? Как я говорил тебе? Надо ходить на носках, а ты что? Все еще нет легкости шага...

— Но, Моисей Юльевич, я на носках. Я... — оправдывался Васька, но тот не слушал. Хозяин, правда, был доволен результатами, но ругал, чтобы ругать.

— Что „я“? Ты вот портсигар вытащи у меня покрасивей... „Я, я!“ Ну, давай! — И, завязав себе глаза, хозяин стал расхаживать по комнате. Немного походив, присел, затем снова прошелся. Когда он опять сел и вздумал закурить, портсигара в кармане уже не было.

— Ах, шельмец! — вырвалось у учителя. — Ловко ж ты! Хороший из тебя жулик выйдет, молодчина! — хлопал Ваську по плечу Моисей Юльевич. — Что ж, с меня выпивка, ладно! Можешь итти, на сегодня хватит.

III

Уже четыре года, как умерла Васькина мать, уже четыре года воровская жизнь держала Ваську в своих клещах. За все это время, кроме пьянки, карт, воровства, Васька не видел ничего хорошего. Такая жизнь ему опротивела, но поделаться он ничего не мог: воровство давало ему кусок хлеба...

Васька сидел у окна мрачной комнатухи и глядел на речку, в которую тысячами крохотных ручейков стекала дождевая вода. Нечего было делать, и он скучал... К вечеру Моисей Юльевич принес три поллитровки вина и сказал:

— Эй, поцанье, давай к столу, угощаю!

Васька, обрадованный случаем рассеять скуку, жадно набросился на сивуху. Через несколько минут он, Колька и Борька напились. Покровитель дал им часика два поспать, а в одиннадцать вечера разбудил. На улице была непроглядная тьма, но дождь уже стих... Три детских фигуры, ежась в своих плохеньких пальто, направились к станции. После сна было до того холодно, что зубы

отбивали чечетку. Моисей Юльевич шел шагах в двадцати сзади них. На нем были русские сапоги, и грязь, лезшая в дырявые ботинки ребят, для него ничего не значила... С большим трудом, измазавшись и замерзнув, ребята добрались до станции. Сели в вагон.

Тусклая свеча чуть освещала дремавших пассажиров. На вошедших никто не обратил внимания. Похрапывая и громко свистя носами, все спали. Сев на скамейку, почти сразу же заснул и Васька. Колька дремал, а Моисей Юльевич, закрыв глаза, крутил указательные пальцы один вокруг другого, потом быстро разводил руки в стороны и старался попасть одним пальцем в другой. Гадал: выйдет или не выйдет. Пальцы пролетали мимо. Он злился, прекращая гадание, и, посидев, начинал сначала. Наконец, поезд подкатил к городу. Все слезли.

Было два часа ночи. Моисей Юльевич, приказав обождать его, куда-то скрылся. Ребята, дрожа от холода, терпеливо ждали. Вскоре хозяин подъехал к ним на лошади, запряженной в бричку. Они уселись, и тем-

ными, малолюдными переулками покатали к заветному месту. Всю дорогу никто из них не проронил ни единого слова. Каждый был погружен в свои мысли. Никто не знал, что их ожидало, удача или... но все знали, что в случае удачи потекут реки вина, карты, будет и закуска и барахлишко.

Минут через пятнадцать лошадь остановилась в каком-то закоулке. Ребята вышли из брички и через проходной двор прошли на более широкую улицу. Подойдя к забору, Моисей Юльевич позвал к себе Кольку и стал что-то разъяснять. Окончив наставления, он сунул ему в руку финский нож и добавил: „может пригодиться“. Затем, обратясь уже ко всем, сказал:

— Ну, ребята, только не трусить! На счет доли будьте спокойны, не обделю! Пошли!

Три фигуры ловко, одна за другой, вскочили на забор и скрылись. Внимательно осмотрясь, они осторожно стали продвигаться к задней двери универмага. Колька быстро извлек из кармана связку отмычек и осторожно, стараясь не шуметь, стал ковы-

ряться в замке. Холодный осенний ветер раскачивал кое-где висящие тусклые огоньки. Ветер шумел, но сквозь его шум Васька слышал шаги. Он дал знак, и тройка быстро попряталась. К дверям универмага подошел сторож. Он, будто что подозревая, внимательно огляделся вокруг. Он посмотрел на замок, на решетки окон, и удостоверясь, что все в порядке, пошел дальше. Когда шаги его стихли, спрятавшиеся ребята один за другим опять подошли к универмагу.

— Так можно погореть! А ну-ка, Васька, сними эту попку, — тихо проговорил Колька, протягивая Ваське финский нож. Васька хотел что-то сказать, возразить, но нож уже был в его руке. Он вопросительно посмотрел на Кольку, затем на нож и, не сказав ни слова, пошел „снимать“. Сторож, обойдя вокруг магазина и уверясь, что все в порядке, сел на ящик и через несколько минут задремал.

Васька тихо подкрался к нему сзади и замахнулся... Но рука, как маятник, откачнулась на прежнее место. Нехватило духу. Убивать было жутко. Вспомнив Колькину

фразу: „Надо снимать, а то погорим“, Васька с досадой посмотрел на спящего старика и вдруг онемел: „Антип Савельич! Инвалид!.. Тот самый, который в день похорон матери купил ему сладкий пряник!“ Васька вспомнил ласки старика, и негодование на себя, на Кольку, на Моисея Юльевича так ошпарили его, что на спине даже пот выступил. Васька крепко стиснул зубы, повернулся и пошел к товарищам.

— Ну, Вася, как?— еле слышно задал вопрос Колька.

— „Как“, спрашиваешь?— грубо и со злобой проговорил Васька,— снял!— и скрипнул зубами. Колька, хоть был и больше и сильнее Васьки, вдруг струсил. Не сказав ему ничего, он снова стал ковыряться в огромном замке. После немалых усилий дверь отворилась. Осторожно вошли в магазин. Осмотрели все кассы.

— Сегодня фарт!— проговорил Колька, взвешивая на руке найденные деньги.— Здесь как раз тысяч на десять будет!

Затем началась возня с товарами. Выбирали, что получше и связывали в узлы.

Навязав три солидных узла, пошли на выход. Подошли к прежнему забору. Колька, внимательно прислушиваясь, свистнул. Послышался ответный свист, а потом голос Моисея Юльевича.

— Подавай, Коля!

Деньги Моисей Юльевич у Кольки забрал, а товар повез к хорошо знакомой личности, так называемому „свояку“. От него хозяин и тройка огольцов поехали к дому.

На следующий день, получив свою долю, ребята разбрелись за покупками. Васька купил полкилограмма своих любимых конфет „Лакме“ и пряников точно таких, какой дал ему дед Антип Савельевич.

Моисей Юльевич остался со своей женой. Заботливая хозяйка Мария Сергеевна ворчливо спрашивала:

— Слушай, Моисей! По сколько рублей ты дал этим мерзавцам?

— По полсотенной. Сама видишь — ребята стараются!

— У них больше денег, чем по полсотни. Я сегодня видела, как Борька считал, у него там чуть не полтысячи. Ты смотри, может

у тебя украли или в магазине взяли больше, а от тебя скрыли.

— Не беспокойся, Маня. Я знаю, что они скрыли, но деньги дальше моего кармана не уйдут.

Так и вышло. Когда ребята вернулись домой, Моисей Юльевич к их услугам предложил сорокоградусного.

— Нужно же отпраздновать удачу... Давайте-ка, расположитесь вот за этим столом.

Колька с Борькой были уже совсем пьяны, но Васька еще не притронулся к вину. Он не хотел пить. После „Лакме“ вино казалось противным. Но все упрашивали выпить, и Васька сдался. Глотнул рюмку, потом вторую, потом и третью. Через пять минут он был пьян не меньше своих товарищей.

— Ну, что ж, в картишки, что ли, срежемся? — предложил Моисей Юльевич, вынимая из кармана колоду крапленых карт.

Началась игра.

Моисей Юльевич спокойно раскинул всем по карте и предложил прикупать

Борьке. Борька взял еще две карты и робко проговорил:

— Хватит!

Моисей Юльевич также после третьей карты развернул свои. У него было девятнадцать очков, у Борьки — восемнадцать. Следом за Борькой пошли проигрывать и Колька с Васькой. И как они ни старались, как ни хитрили, деньги с каждым ходом убывали и убывали. Они уже каялись, что стали играть, хотелось кончить, чтобы не проиграться до последней копейки, но жажда отыгрыша овладела ими окончательно. Вместе с нею росла и злоба на человека, который спокойно забирал их деньги.

После пятичасовой игры Борька „откаптался“, а Васька ставил последний рубль. И тут произошло то, чего никто никак не ожидал: Васька явно увидел, что Моисей Юльевич передернул карту: на туза прикупил десятку.

— Шулер! — крикнул не своим голосом Васька. Кровь ударила ему в лицо и дальше он уже не владел собою. Рука хапнула финку. Моисей Юльевич широко открыл глаза, губы

его побледнели. В тот миг Васька саданул его ножом в горло.

Моисей Юльевич захрипел, ухватился за стол и вместе с ним упал. Лампа, стоящая на столе, разбилась. Стало темно. Васька выскочил в окно, перемахнул через забор и скрылся.

IV

Проснулся Васька от страшной головной боли, осмотрелся вокруг и с первого раза не узнал, где он находится. Протер глаза, почесал макушку и, наконец, понял, что в люке. Тут ему припомнилось все вчерашнее: карты, Моисей Юльевич с ножом в горле, бегство по черной дороге в город. В его душу прокрались страх и раскаяние. Он с тоской поднял вверх голову. Над ним висел голубой кружок неба, и на его фоне виднелась заглядевшаяся в люк голова.

— А ну-ка, вылезай, дружок, — с улыбкой сказал заглядывающий человек. — Вылезай, вылезай, нечего уж там.

Нехотя, чуть было не растюкавшись, Васька вышел. Перед ним стоял высокий военный. Малиновые его петлицы Ваську смутили.

— Так что ж, попался?

Васька оробел и забормотал:

— Я его не хотел убивать... Он, сволочь, краплеными картами...

Чекист насторожился. Он ничего не знал о Васькином поступке. Он просто случайно проходил мимо люка и, заглянув, увидел на дне его оборванное существо. Но теперь ему стало ясно, что перед ним мальчик с тяжелым прошлым.

— Чем же ты его так здорово?

— Финкой...

— А этого... другого? — продолжал тот вслепую, на-ощупь, выпытывать Ваську.

— Сторожа?

— Да, сторожа, — сказал чекист и очень добро улыбнулся.

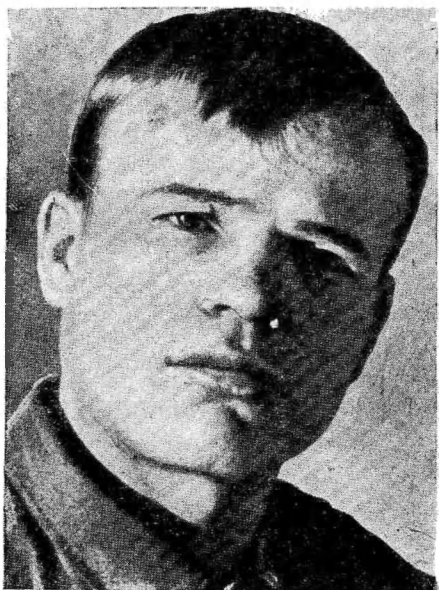
— Да-к, сторожа я не убил... жалко стало... он же мне пряники дарил.

— Разве? Не убил? — нарочито удивленно спросил военный.

— Ну, вот... не верите... честное слово.

— Верю.

Он подозвал милиционера, черкнул в блокноте несколько слов и отправил Ваську с запиской в распределитель НКВД.

Николай Морщиков

ДВА ДРУГА

Рассказ

1

В уши сгорбившихся над тисками людей влетела частая дробь звонка. Воркованье сверл, стук молотков и жужжанье пил начало умолкать, по мастерской разлились шутки и веселый смех.

Вася Щеголев, не торопясь, смел с верстака серые искристые опилки и собрал инструмент. Он не спешил, — уроки заданные на дом, Вася решил еще утром; обтрепанную и залапанную всеми ребятами книжку „Кавказский пленник“ он прочитал и сдал еще вчера, а собрание будет только через час.

Прибрав станок, Вася сдал инструменты и, напевая „Веселые ребята“, направился к выходу.

2

Над головами висела большая, покрытая зеленоватой шляпой, лампочка. Лампочка освещала угрюмые лица ребят, смотревших на стоящего у стола грязного, с поцарапанным носом мальчугана. Мальчуган, насупив брови, исподлобья, бегающими глазами оглядывал обступивших его, хмурых, примолкших товарищей. Бегающий взгляд мальчугана остановился на плечистой, аккуратной фигуре Васи Щеголева и замер. Мальчуган, вздрогнув, дернулся, как будто бы босой ногой наступил на что-то острое. Вася Щеголев был ему другом, но смотрел на него Вася, как и все, неодобрительно и сурово.

— Так вот, ребята! Ермаков Борис сегодня напроказил, — сказал Николай Иванович, протирая помятым платком покрытое морщинами и капельками пота лицо. Ука-

зывая пальцем на мальчугана, он добавил:

— Как видите, драку затеял, и мало того, отказ от работы.

К мальчугану посыпались вопросы:

— Ты что, разве не знаешь, что у нас в коммуне драться нельзя, а?

— Ты жить хочешь у нас или нет?

И много еще задавали вопросов, но ответов от мальчугана не было. Ермаков, насупясь, смотрел себе под ноги и упрямо молчал. Тогда из толпы ребят кто-то произнес:

— Николай Иванович, я предлагаю на первый раз объявить ему выговор, что б он знал как отлынивать от работы и отучился разговаривать кулаками.

По комнате раздался хохот.

— Вот это правильно! — сказал Николай Иванович.

— Ну, кто — за?

Десятки ребячьих рук выросли перед его глазами.

— Принято! Ну, а сейчас, ребята, в кино, — как раз время!

— Ты что же это, Борис, дерешься и прогуливаешь? — спросил Вася, столкнувшись в дверях клуба с Ермаковым. Борька надул губы и ничего не ответил. Щеголев пробрался вперед, отыскивая удобное место. Следом за ним протискался и Борька.

Щелкнул выключатель, и галдеж в зале стих. На экране, по скалистому ущелью, поскакали всадники. Командир отряда, бородатый мужик, в разгаре боя занес блестящий клинок над головой офицера, и жирная туша сотника повалилась, как скошенный сноп, в бездонную пропасть. В зале послышалось хлопанье в ладоши и хвалебные выкрики бородатому.

— Васька, а Васька, кого это он рубанул? Генерала, да? — тихо спросил Борька.

— Отстань! — не оборачиваясь, ответил Щеголев.

— Ну скажи... А это, это кто? — увидев бегущих по экрану солдат, опять спросил Борька.

— Не знаю, — буркнул Щеголев.

— Врешь, знаешь... Скажи...

— Не скажу.

— Жалко тебе, что ли? Скажи, Вась...

— Не скажу. И пока ты не будешь на красной доске, пока не выправишься, — ни разговаривать с тобой, ни дружить не буду. Понял?

И, не дожидаясь ответа, Вася встал и пересел в задние ряды.

4

Сосед Борьки Вася Щеголев храпел во всю, а Борька не мог заснуть. Бывало, как были друзьями, Борька засыпал под чудные рассказы Васьки. Борька храпел, а Васька все рассказывал про американские небоскребы, про голых индейцев, живших в солнечной Африке, и про дуэль Пушкина с Дантесом. „А теперь и говорить не хочет“, — перевертываясь на другой бок и напяливая на голову одеяло, с досадой проговорил Борька... И зло разбирало на Ваську, и жаль было утерянной дружбы. Вместе на крышах экспрессов ездили, заго-

рали на скалистых берегах Черного моря, в Ташкенте дыни на ярмарках с возов таскали и все вместе. А теперь премию получил, так и зазнаваться начал, решил Борька. „Эх, уж завтра я утру ему нос“, — облегченно вздыхая, пробормотал он и заснул.

В открытую форточку врывался сухой, пропитанный запахом тополя, ветер.

5

Борька проснулся раньше всех. Умывшись и позабыв про завтрак, тихими, но быстрыми шагами побежал в мастерскую.

— Ты что ж это, Боря, так рано? — посмотрев сквозь очки и улыбнувшись, спросил дядя Петя, Борькин мастер.

— Да так, дядя Петя, — замялся Борька, — спать неохота!

Мастер еще раз ухмыльнулся и, выдавая с третьего дня нетронутый Борькин инструмент, сказал:

— Так, так, Боря! Старайся, учись — человеком будешь. — Он легонько хлопнул

потрескавшейся ладонью по Борькиному плечу и добавил: — Молодец! Сокол ты у меня!

— Треугольная пила в руках Борьки жужжала, как пойманный плачущий шмель. Из-под пилы так и вылетали огнем сверкающие накалинные искры. От потного Борькиного лица шел пар. И ему было весело, часы, раньше казавшиеся бесконечными, теперь пролетали минутами, и прежней усталости он не чувствовал.

Когда раздался звонок, Борька даже не поверил, что работу пора кончать. Он собрал инструмент, рукавом замасленной спецовки вытер лицо, и его глаза впились на красную доску, на которой Борька увидел свою фамилию. Сперва он слегка растерялся, но, вспомнив ссору с Васькой, ожил и с торжествующим видом побежал на второй этаж.

— Васька, а Васька? — проговорил он, дергая за рукав все еще возившегося у своих тисков приятеля.

— Не мешай! Кто там? Отстань! — огрызнулся Вася, но, оборотясь и увидев Борьку,

обмяк. В уголках его рта появилась улыбка.

— А, Боря! Знаю, знаю! Молодец!

Похвала товарища обрадовала Борьку и смутила. Желая скрыть это радостное смущение, желая показать, что красная доска — обычная для него вещь, Борька заговорил о другом.

— Пошли рыбу ловить?

— А ты уроки решил?

— Еще днем!

— Ну, тогда пошли.

И прямо из слесарной мастерской, по мягкой душистой траве, они направились к спрятанной в камышах и пылающей от солнечного зарева речке. На речке слышался ребячий смех и стрекотанье глазастых кузнечиков.

КОНЕЦ ПЕССИМИСТА

Рассказ

Обстоятельства столь несложного случая все-таки имеют некоторые данные для рассказа. А, впрочем, сами убедитесь.

В коммуне НКВД четыреста молодых парней. Это „аристократическое“ общество в прошлом состояло из „домушников“, „тихушников“, „карманников“ и прочей шушеры. А если прибавить подростков, кои вне коммуны имели „восхитительную“ перспективу заменить „хлюстов“, „рыжих“, „седых“, „заик“, то общее количество коммунаров составит цифру в семьсот человек.

Плохо ли, хорошо идет перековка, но уголовному розыску беспокоиться о них не приходится.

С глубоким сожалением извещаем о технической невозможности передать подробно условия коммуны. Но если вы захотите иметь детальное представление — прочтите замечательную книгу „Болшевики“, а еще лучше, побывайте сами и, кстати, убедитесь в правильности передаваемого ниже факта. А случай этот относится к члену коммуны Митьке Пирогову.

Означенный Митька на протяжении двух лет жизни в коммуне внес немалую сумятицу в нервные органы воспитательной части. Бывало, руководитель, сокрушенно вздохнув, скажет:

— Ну, друзья, немало скушал я в своей практике „пирогов“, но с такой начинкой еще не едал!

Врач, так тот прямо говорил:

— Этот тип для общества безусловно опасен. Я уверен, что кровяные шарики у него имеют некоторое сходство с кастетом.

Конечно, доктор сфантазировал, но все же установлено, что Митькино тело обладало свойством безраздельно присасываться к чужим вещам. А привычка перебирать

пальцами наводила на грустные размышления о профессии, для которой выработана известная часть Уголовного кодекса. Если еще добавить „рыцарскую склонность“ накладывать кулаки на скулы приятелей — то перед вами выразительный портрет Митьки Пирогова.

Разнообразнейшие эксперименты воспитательной части постепенно дали свои результаты: из блатной брони стала вырисовываться человеческая фигура, и жизнь в глазах Митьки приобрела новое, невиданное значение.

Получив первую увольнительную записку в город, Пирогов чувствовал себя абсолютно уверенным. Поэтому встреча с товарищем, продолжавшим заниматься делишками не совсем скромных свойств, настроила Митю на мысль обработать приятеля в духе коммуны. Для обработки понадобилось время и место, а пивная была рядом; довольно скромная, уютная, тихая пивная, как раз для обработки подходящая. Понятно, что сидеть в ней, не прикасаясь к напиткам, как-то неудобно, ну, все равно, как в воде

сидеть и не плавать. Понятно, что сухой закон, выработанный коммуной, нарушил Пирогов из высоких целей. „Рюмка водки для пользы дела не повредит!“ И надо отдать ему справедливость, незамедлительно за первым стаканчиком Митька добросовестно приступил к изложению теории честной жизни. Но по мере проходящих стаканчиков спутывались и процессы перековки. Выпроваживаемый за дверь спокойным официантом, Митя, зацепившись за плечо услужливого приятеля, яростно доказывал преимущество карманников над домушниками.

Словесная аргументация на улице Пирогову показалась недостаточно веской, и он пытался, как вспомогательное средство, добавить к ней кулаки. Но, как видно, у приятеля в отношении общественного порядка были свои соображения. Он растаял в сумерках города, оставив Митьку одного. Дальнейшие действия злополучного „агитатора“ нам неизвестны.

Утро открыло Пирогова в комнатушке явно шалманного типа. Внешний и внутренний вид ее полностью соответствовал

нутру и наружности поверженного агитатора. Солидный волдырь под правым глазом и припухший в ссадинах нос подтверждали, что агитация — дело вовсе не легкое.

Утро долго пыталось разбудить Митю; оно гудело гудками, звенело трамваями, грохотало ломовыми телегами, сквозь пыльное окно пекло Митю солнцем, — поверженный еле-еле проснулся. Пробуждение сопровождалось бесчисленными плевками, отхаркиваниями и всеми, вызванными похмельем, неприятностями. Взглянув на весьма древнюю и слегка ароматную грязную тряпку, составляющую Митину постель, Пирогов вдруг сразу все вспомнил и сразу вскочил. Лихорадочно одеваясь, он благодарил себя: Скотина! Гадина! Паразит!

Подобными же ласкательными именами награждал себя Пирогов, направляясь к вокзалу. Но до вокзала он не дошел. В нескольких шагах от него, под влиянием какой-то тяжести, Митя круто свернул в переулок.

Куда вел этот переулок проследить трудно, тем более, что нас в настоящую

минуту интересуется другой гражданин. Это был ученый и пессимист; и тем и другим он стал недавно, потому что имел неосторожность позволить своему бумажнику без разрешения перекочевать в чужой карман. Ученый гневно доказывал начальнику 5-й бригады Уголовного розыска вздорность перевоспитания правонарушителей без крепкой решетки. Возражения начальника о проверенной системе коммун нисколько не восстанавливали душевного равновесия, утраченного вместе с бумажником. Дальнейшие доводы начальника были прерваны стуком в дверь:

— Да, войдите...

В кабинет с шапкою под мышкой и с сумерками на лице ввалился Дмитрий Пиров и без единого слова выложил на стол внушительный бумажник.

Увы! При всем желании, своего бумажника в этом, столь неожиданно появившемся, ученый пессимист, к сожалению, признать не мог. И, все ж, спускаясь по лестнице Угрозыска, он думал:

— А что, может быть начальник и прав?

СОЛЮКС

Рассказ

Старушка, как старушка. Годов ей семьдесят два, а может быть и больше, кто ее знает! Живет по паспорту, и фамилия есть, а впрочем, не важно — фамилия. Важно, что старая, товарищи, старушка, а жить, между прочим, невыразимо хочет. Умирать кто же желает? Веселого, небось, мало, да еще в такое время, — вот-вот медицина придумает возвращение молодости, живи себе на здоровье. Так вот, означенная старушка, в чайнии такой недалекой будущности, из всех сил жмет и чем возможно поддерживает бренное тело свое. А тело, верно, бренное. Сами знаете — года, ревматизмы и прочее. Здорово подкачали у старушки суставные

части, но терпела кое-как. Медицину не трогала.

Но осенью, в дождливые дни ей стало невмоготу. Кряхтя, охая, добралась старушка в медпомощь.

— Добрые люди, помогите, замучила нога совсем.

— Пожалуйста — отвечает медицина. — Для нас это плевое дело, солюкс пустим, прогреем и сразу тебе легче будет.

— Спасибо, кормильцы! Только как это солью, не слыхивала что-то.

— Несознательность у тебя, бабушка, невозможная. Какая соль? Аппарат так называется — „солюкс“. Недавно годовщина была, как бездействовал, а сейчас за милу душу прогреем.

И повела медицина старушку в спецкомнату. Раздели. Уложили. Свет включили, а дверку на ключ закрыли, не зашел бы, грехом, кто.

— Лежи, бабушка, грейся, когда надо зайдем.

Лежит старушка и безусловно греется и с умилением думает: „Ишь ты приспособ-

ления какие, беспокоится медицина за наши ревматизмы“.

Лежит старушка, лежит умиляется, лежит полчаса, жарко, а терпит. „Медицина, мол, больше знает, что к чему и сколько наукой требуется лежать“.

Час проходит, другой наступает, а от ноги, как бы вроде и запах какой-то пошел. „Нет,—думает старушка,—спасибо за ласку и за такое тепло. Это уж пусть молодые терпят, а я сразу к науке привыкнуть не могу“.

— Сестрица, родимая! — мелким криком попробовала звать бабушка. Но неизвестно от каких причин медицина не отвечает.

Отползла старушка и караулом кричит, а медицина не слышит. Может быть от боли и страха окачурилась бы старушка, да спасибо больной лежал за стенкой, знал все тайны медицинского дома и, пересилив свои немощи, спас старушку в окно.

Ну, на воздухе отошла и живьем была доставлена на дом. Но уж в этом медицина не участвовала. Конечно, старушка пере-

стала верить в медицину и с грустью поглядывает на испорченную ногу, подтверждающую, что для нее новая молодость невозможна.

А жаль. Пусть бы старушка верила. Ей и внимания-то надо было пятнадцать минут.

ОБ АВТОРАХ СБОРНИКА

Авторами настоящего сборника являются бывшие правонарушители, ныне воспитанники трудовых колоний УНКВД ЛО:

ИВАН ГРАСИН, 15 лет — воспитанник Новознаменской трудовой колонии.

ВАСИЛИЙ ИЛЬИН, 16 лет — воспитанник Новознаменской трудовой колонии.

ИВАН ДЕМИДОВ, 16 лет — воспитанник Новознаменской трудовой колонии.

БОРИС НЕКРАСОВ, 16 лет — воспитанник Чудовской трудовой колонии.

В. ИВАНОВ, 16 лет — воспитанник Чудовской трудовой колонии.

АЛЕКСЕЙ НИКИФОРОВ, 14 лет — воспитанник Чудовской трудовой колонии.

СТЕПАН КАЛИНКИН, 15 лет — воспитанник Чудовской трудовой колонии.

- ВИКТОР МИХАЙЛОВ, 19 лет — воспитанник Чудовской трудовой колонии.
- НИКОЛАЙ ВОРОБЬЕВ, 14 лет — воспитанник Чудовской трудовой колонии.
- ИВАН АЛЕКСЕЕВ, 26 лет — воспитанник Ленинградской трудовой колонии.
- ДМИТРИЙ СОКОЛОВ, 21 год — воспитанник Ленинградской трудовой колонии.
- НИКОЛАЙ МОРЩИКОВ, 17 лет — воспитанник Ленинградской трудовой колонии.
- К. СМИРНОВ — воспитанник Ленинградской трудовой колонии.
- ПАВЕЛ ПРОКОФЬЕВ, 16 лет — воспитанник Чудовской трудовой колонии.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3

СТИХИ

Сталин — *И. Грасин* 11

Мы поем — *И. Алексеев, К. Смирнов* . . . 13

Памяти Феликса — *Д. Соколов* 17

Паспорт — *В. Ильин* 19

Долорес Ибаррури — *И. Алексеев, К. Смирнов* 20

Пушкин — *И. Грасин* 23

Максиму Горькому — *Б. Некрасов* 26

Бригадир — *Д. Соколов* 27

Дети коммуны — *Иванов* 28

У моря — *П. Прокофьев* 29

* * — *А. Никифоров* 30

Самолет — *В. Михайлов* 31

Теплое слово — *И. Демидов* 33

Ответ гражданина — *Н. Морщиков* 35

Бюллетень — *Н. Морщиков* 38

ДЕТСКИЕ СТИХИ

	Стр.
Рабочий день — <i>С. Калинин</i>	39
Зима — <i>Н. Воробьев</i>	40
Собачка — <i>П. Прокофьев</i>	—
Снежная горка — <i>П. Прокофьев</i>	41
Примерный мастер — <i>С. Калинин</i>	—
С горы на санках — <i>Б. Некрасов</i>	42

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ

Задача — <i>Д. Соколов</i>	45
Васька быстрый — <i>В. Ильин</i>	59
Два друга — <i>Н. Морщиков</i>	83
Конец пессимиста — <i>К. Смирнов, И. Алексеев</i>	91
Солюкс — <i>К. Смирнов, И. Алексеев</i>	97
Об авторах сборника	101

Отв. редактор *Я. Садилов*.

Техн. редакторы *С. Максимовский* и *А. Глезерман*.

Корректор *С. Касперович*.

Переплет и форзац работы художника *В. Селиванова*.

Сдано в набор 15/XII—1936 г. Подписано к печати 17/XII—1936 г. ОСТ 72 × 110 см. Объем 6,5 листа. ЛОИЗ № 110. Леноблгорлит № 26119. Заказ № 5070. Тираж 3000.

Типография им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57.